

УДК 811.161.1

СОВЕТСКИЙ ЯЗЫК В ИЗОБРАЖЕНИИ А. ПЛАТОНОВА И М. БУЛГАКОВА

© 2011 г.

З.С. Санджи-Гаряева

Саратовский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского

sandji93@mail.ru

Поступила в редакцию 13.12.2010

Выявляется общее и различное в принципах и приемах изображения советского языка у А. Платонова и М. Булгакова.

Ключевые слова: принципы, приемы, рефлексия, сатира, ирония, языковая игра, советский язык.

Образ советского языка, получившего названия «новояз», «официальный язык», «язык власти», «советский языковой стандарт», в художественной литературе стал создаваться с момента его зарождения, и создавался он двумя способами; первый – почти адекватное отражение этого языка, второй – рефлексия над ним и его трансформация. Отражение было свойственно писателям апологетического направления, и на основе этого подхода позднее сформировался язык литературы соцреализма. В силу своей усредненности он мало отличался от языка советских газет, поэтому трудно говорить об индивидуальности стиля писателей-соцреалистов. Рефлексия над новым языком присуща писателям, творившим в рамках советской культуры, но придерживающимся иных художественных принципов. К ним относятся А. Платонов, М. Зощенко, М. Булгаков, И. Ильф и Е. Петров, И. Бабель и другие.

Мы остановимся на особенностях изображения советского языка Платоновым и Булгаковым. Такой выбор может показаться странным, так как писатели кажутся малосопоставимыми: разное происхождение, разное отношение к дореволюционной культуре и литературе, разные позиции по отношению к современности, разная манера письма (традиционалистская у Булгакова и новаторская у Платонова) и разный характер таланта. Однако эти две писательские судьбы, несмотря на все различие, во многом близки и парадоксально сходны. Об этом исчерпывающе сказал М. Геллер: «Парадоксальность схожести двух писателей в том, что они оба оказались непригодными советской литературе, несмотря на то, что Булгаков с первых строк проявлял по отношению к послереволюционному миру «великолепное презрение», по выражению А. Ахматовой, а Платонов связывает с ним надежды на спасение человечества,

страстно и глубоко верит в него. Несмотря на то, что один – сторонний наблюдатель, другой – живущий, действующий внутри, переживающий нутром» [1, с. 9].

Особенности изображения советского языка Платоновым и Булгаковым обусловлены целым рядом обстоятельств, главные из которых – отношение к новой власти и к новому языку. Критическое отношение к власти у Булгакова возникло с самого начала, революцию он воспринял как «кровавую оперетку», новая действительность для него являла собой разрушение старой культуры, нашествие хамов. «От хамов нет спасения», – пишет он в дневнике в 1924 году [2, с. 13]. В дневнике есть и такая запись: «Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей отражающимися в произведениях, трудно печататься и жить» [2, с. 18]. Платонов же прошел сложный путь от страстной приверженности революции и новому строю через сомнение до острой критики действия властей, ее бюрократического аппарата. У Платонова с революцией связывались надежды на новое справедливое мироустройство, призванное обеспечить счастье «масс». Тем более трагичным было его разочарование, тем более сочувственным становится его отношение к тем «душевному беднякам», которые запутались в поисках смысла существования.

Новый язык Булгаков не принял так же, как и новую власть, что объясняется его происхождением, укорененностью в другой культуре, приверженностью традициям русской классической литературы. Говоря об отношении русских писателей начала XX века к новому советскому языку, обычно их делят на две группы: в одну включают Булгакова, Зощенко, Замятина, Бабеля, Пильняка, Олешу, другую представляет один Платонов. Как известно, Иосиф Бродский, противопоставляя Платонова названным писа-

телям, считал, что они «занимались более или менее стилистическим гурманством», «играли с языком каждый в свою игру» [3, с. 179]. Платонов же, по мнению Бродского, «сам подчинил себя языку эпохи, увидев в нем такие бездны, заглянув в которые однажды, он уже более не мог скользить по литературной поверхности, занимаясь хитросплетениями сюжета, типографскими изысками и стилистическими кружевами» [3, с. 164]. М. Геллер в основу противопоставления кладет разный характер иронии: «Замятин, Зощенко, Бабель, Булгаков, внимательные свидетели трансформации языка, относились к нему с иронией, врожденной дистанцией писателей, выросших в другом языке. Ирония Платонова была выражением боли писателя, верившего в утопию и ее язык» [1, с. 287].

Отношение Платонова к официальному языку не было однозначным, оно претерпело сложную эволюцию. В ранних произведениях Платонов пытается заставить своего малограмотного героя осваивать элементы новой речи, ее освоение идет путем искажения новых слов и их форм, трансформации новых клишированных синтаксических конструкций, например: *фулюган чертов, ет радий несется* (радио), *землю липистричеством мазать хотят, за какое место людьми руководить надо, мы здесь обнаружили лампу так называемого Ильича* и т.п. То есть можно говорить, что Платонов вначале идет по пути стилизации, как, например, Шолохов [4], который на такой форме трансформации оставался до конца. Платонов же довольно скоро отказался от стилизации, не использовал он также повествовательную форму сказа (как Зощенко), а со второй половины 20-х годов можно говорить о появлении феномена «язык Платонова».

Булгаков также не прибегал ни к приему стилизации, ни к сказовой форме, авторская речь у него никогда не сливается с речью героев, напротив, автор разными способами дистанцируется от речи героев. Язык власти для него – объект насмешки, он был вне этого языка, воспринимал его как нечто чуждое. Ирония Булгакова – это ирония отстранения, а основной художественный прием изображения этого языка – прием остранения, характерный для многих писателей начала XX века. Принцип изображения бюрократического языка у Платонова гораздо сложнее, и во многом он до сих пор остается загадкой для исследователей. Многие, в частности С. Бочаров, писали о том, что авторская речь принципиально слита с речью героев, что Платонов не допускал в своей художе-

ственной речи отчуждения изображаемого народного слова от слова авторского. Л. Шубин и А. Бочаров объясняли это внутренней причастностью писателя народному слову, «испорченному, деформированному теми или иными историческими давлениями», тем, что Платонов-прозаик оставался внутри выражаемого его прозой народного сознания [5]. Ближе всех к разгадке языкового феномена Платонова и, в частности, трансформации советских идеологических штампов, на наш взгляд, подошла О. Меерсон, считающая, что в основе языковой формы, выбранной Платоновым, лежит прием «неостранения», «то есть это отказ признать, что незнакомое или новое необыкновенно» [6, с. 9]. Этот принцип дает писателю огромную внутреннюю свободу, а у читателя возникает ощущение, что ничего странного в таком использовании языка нет.

Платоновские тексты второй половины 20-х годов позволяют говорить о том, что, в отличие от других писателей-современников, он создал свой язык по модели советского и заставил автора и героев своих произведений на нем говорить [7]. Здесь наша гипотеза близка позиции М. Геллера: «Писатель сумел, выделив из послереволюционного русского языка основные элементы «новоречи», сложить из них язык своих персонажей, который оказался адекватным стандартному советскому языку» [1, с. 296]. Мы здесь имеем в виду язык не как набор лингво-стилистических средств в значении «язык и стиль писателя», а язык как некий слепок с советского официального языка, который имеет свой семантический каркас, лексику, свое словообразование и, главное, синтаксис. Поэтому писателю нет надобности оценивать его извне, отстраняясь, отделяя свою речь от речи героев, автор и герои находятся в пространстве этого языкового конструкта, и для них этот язык со всеми его отклонениями естественен. Внутри этого, созданного им, языка автор свободен. Отсюда двусмысленность слов, нарочитая неправильность и смысловая многовариантность словосочетаний, загадочность новообразований – свойства, в совокупности создающие ощущение не найденного, а искомого смысла. Этот язык можно назвать языком утопии (М. Геллер) или мифологизованной языковой картиной мира (Т. Радбиль, см. [8]).

Булгаков и Платонов различаются складом литературного дарования. Одна из сторон булгаковского таланта – сатирическая, он сам считал себя сатириком. В письме Правительству СССР он пишет, что как сатирику ему нет места в советской литературе, так как «никакая насто-

ящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немыслима» [9, с. 447]. Вопрос о том, был ли Платонов сатириком, не решен до сих пор. Известно, что сам он в ответ на обвинения критиков в «неправильной сатире» (когда критике подвергались не отдельные стороны советской действительности, а сами ее основы) писал, что сатириком себя не считает, однако выражение критического отношения к окружающему вольно или невольно, в силу особенностей его языка, принимало сатирические формы. Другое высказывание писателя, относящееся к тому времени, когда уже были написаны «Усомнившийся Макар», «Город Градов», «Впрок», свидетельствует о том, что он формулировал свое понимание сатирического не абстрактно: «Забавность, смехотворность, потеха сами по себе не могут являться смыслом сатирического произведения: нужна еще исторически истинная мысль и, скажем прямо, просвечивание идеала или намерения сатирика сквозь кажущуюся суету анекдотических пустяков» [10, с. 33]. Впрочем, среди исследователей никогда не было единства в вопросе, был ли Платонов сатириком. Э. Миндлин вспоминает, что повести «Город Градов» и «Впрок» воспринимались современниками как безусловно сатирические: «Сатира была остра, злободневна, разительна – так попадала не в бровь, а в глаз, – поверили – появился наконец в нашей литературе новый и нисколько не менее сильный Салтыков-Щедрин» [10, с. 33]. Из поздних исследователей, относящих Платонова к сатирикам, можно назвать М. Геллера [1, с. 293].

Итак, главное различие в отношении к новому послереволюционному языку состоит в том, что Булгаков вне этого языка, а Платонов внутри, Булгаков дистанцирован от него, а Платонов к нему причастен. Платонов создал свой язык по модели советского, Булгаков не ставил такой цели никогда, Булгаков пользовался приемом «остранения», Платонов – приемом «неостранения». Думается, что независимо от жанровой отнесенности прозы Платонова и разной исходной модальности в оценке языка власти соотносимым у обоих писателей можно считать критическое отношение к нему. Поэтому интересно проследить, как различия общего характера проявляются в конкретных формах изображения советского языка, на уровне использования языкового механизма.

У Платонова и Булгакова различны смысловые сферы языка и, опосредованно, участки стоящей за ними действительности. Платонов слишком близко подошел через языковую рефлекссию к предмету своей критики – к острым

политическим моментам эпохи и действиям властей, к формам реализации той идеи, которой он сочувствовал и которая его волновала. Поэтому в поле зрения Платонова в опосредованном виде оказываются линия партии (в частности, коллективизация), острые политические моменты (перегибы), бюрократизация властного аппарата и даже конкретные политические фигуры (например, Сталин, его речи, статьи и отдельные высказывания). Отсюда обостренное внимание к ключевым словам общественно-политической сферы: *линия (дорогая генеральная линия), директива (директива спустилась на село), колхоз, ошибки, головокружение (головокружительные ошибки), левые и правые уклоны (откосы), забегание вперед (забеговщество), перегибы (разгибы)* и т.д. Платонов чувствовал, что имеет право писать об этом, он работал для революции и наблюдал за политическими событиями изнутри и заинтересованно, но он перешел границу официально дозволенной критики и был обвинен в «неправильной сатире». Дело было даже не в критике действительности, а в той языковой форме, в какую эта критика облекалась.

Булгаков не мог проникать, по его собственному выражению, в «запретную зону» и высмеивал уже результаты политической деятельности властей в виде формирующегося у него на глазах нового уклада жизни, разных сторон советского быта. Поэтому круг объектов изображения у него гораздо шире, чем у Платонова. Советский лексикон Булгакова с энциклопедической точностью фиксирует детали разных сторон советской жизни, отражающиеся в наименованиях советских учреждений, разного рода комиссий, документов, речевых жанров: лозунгов, приказов, вывесок, заявлений, доносов, расписок, объявлений, предметов быта, слов, связанных с «квартирным вопросом», профессий и должностей и т.д.

Слова из политического обихода Булгаков тоже употребляет, но по-другому. Он помещает их в бытовой контекст, что порождает издевательский и комический эффект. В «Зойкиной квартире» Аметистов говорит: *А мне что терять, кроме цепей?.. Уклонились мы – раз! Утратили чистоту линии – Два! Растеряли заветы!* В бытовой контекст переносятся слова из партийного лексикона того времени: *беспартийный вор Антошка, сочувствующий ротозей Емельян, меньшевик, контрреволюционер, эмигрант, вредитель, кулак, белогвардеец*. В речи Воланда встречается даже цитата из Сталина: *Это факт. А факт – самая упрямая в мире вещь.*

У Платонова и Булгакова по-разному показан процесс освоения нового языка. Платоновский герой пытается освоить язык власти на всех уровнях от словообразования до синтаксиса. У Булгакова этот процесс происходит главным образом на уровне лексики и фразеологии. Поэтому язык героев Платонова – сплошные муки рождения новой речи, грамматические неправильности и аномалии, конгломерат просторечных элементов и советских идеологических штампов: *Читай, Прош, циркуляры губернии и давай им навстречу наши формулировки; руководящий персонал советского скотоводства; Жачев ... посещал его, дабы кормиться от рабочего класса; но среди лета он переменял курс и стал питаться от максимального класса; Они ждали активиста как первоначального человека; подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей; никто не приходил из организующего или технического персонала; где же тогда греться активному персоналу?; заседавшему активу было легче наблюдать массы из окна и вести их все время дальше.*

У Булгакова Шариков осваивает язык революции сначала отдельными элементами, затем – готовыми блоками: вывесками *Вечером произнес 8 раз подряд слово «Абыр-валг»* (Главрыба); городскими клише *Мест нету, Вечерняя Москва*; словами канцелярской сферы: *документ, прописка, домком, учетная карточка* и др. (*Помилуйте, как же без документа?...Сами знаете, человеку без документов строго воспрещается существовать, вопрос стоял на домкоме; Известно что – прописать меня. Они говорят: где ж это видно, чтоб человек проживал непрописанный в Москве. Это – раз. А самое главное – учетная карточка. Я дезертиром быть не желаю. Опять же – союз, биржа*), лозунгами, плакатами, канцелярскими штампами.

Для Булгакова это был чуждый язык, и всякий его носитель – представитель власти или масс – был объектом насмешки и иронии, поэтому автор в тексте предельно дистанцирован от речи своих героев. Дистанцированность проявляется, например, в позиции непонимания слова, выражения, смысла новоречи. Для писателя и его любимых героев новый язык был принципиально непонятен, и понимать его они не хотели. Так, в «Записках на манжетах» автор недоумевает по поводу аббревиатуры *Дювлам*, расшифровка которой демонстрирует ее абсурдность: *Серый забор. На нем афиша. Огромные яркие буквы. Слово. Батюшки! Что за слово-то? Дювлам. Что ж значит-то? Значит-то что ж? Двенадцатилетний юбилей*

Владимира Маяковского. Профессор Преображенский не знает и не хочет знать, что «они» понимают под *контрреволюцией*. Героев Булгакова ставят в тупик лозунги: *Транспортная кооперация путем нормализации, стандартизации и инвентаризации спасет механизацию, электрификацию и механизацию. Понять ничего нельзя, – говорил рыжебородый Гусев, – но видно, что умная штука* («Торговый дом на колесах»); *Получил он от нас прозвище «поп» за свои нестерпимые речи и разные непонятные слова вроде «траектория», «капитализм», «резюми» и тому подобные, благодаря чему как будто он обедню служит на каждом пролетарском празднике* («Самоцветный быт»). У Платонова тоже есть непонимание, но оно скрыто под желанием разобраться, выдается за проявление пылливости героев. Например, Копенкин в «Чевенгуре» рефлектирует по поводу непонятных слов: *Как такие слова называются, которые непонятны? – скромно спросил Копенкин. – Тернии или нет? – Термины, – кратко ответил Дванов; Какое хорошее и неясное слово: усложнение – как текущий момент. Момент, а течет: представить нельзя.*

Ирония Булгакова насмешливая, она имеет тотальный характер, у Платонова – палитра комического более широкая, от сочувственного юмора до едкой сатиры. Есть ирония, например: *У кого в штанах лежит билет партии, тому надо беспрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм труда* («Котлован»). Есть открытый сатирический смех: *И тут Кондратов обернул «Правдой» кулак и сделал им удар в ухо предрица* («Котлован»). Наконец, есть горький (похожий на черный) юмор, рождающийся из соединения трагического и смешного: (Чиклин подарил девочке Насте два гроба) *В одном углу сделал ей постель на будущее время, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок* («Котлован»); *Встретил в гробу Сергея Петровича* («Высокое напряжение»); *Ступай стеречь политические трупы* («Котлован»).

Булгакова и Платонова сближает пародийная направленность в изображении разных явлений советского языка. В качестве примера можно привести наименования кампаний и комиссий как типичных форм организации жизни. У Платонова в повести «Впрок» в одном из колхозов *план изображал закрепленные сроки и названия боевых кампаний: сортировочной, землеуказательной, супряжно-организационной, транспортно-тарочной и едоцкой*. У Булгакова в таком же пародийном ключе из произведения в произведение кочуют разнообразные комиссии.

Зазвенели телефоны, начались совещания... Комиссия построения – в комиссию наблюдения, комиссия наблюдения – в жилотдел, жилотдел – в Наркомздрав, Наркомздрав – в Главкустпром... и т.д. («Похождения Чичикова»). Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой в составе наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка, профессоров Персикова и Португалова ...и товарища Рабиновича («Роковые яйца»). В романе «Мастер и Маргарита»: Комиссия зрелищ и увеселений облегченного типа или Зрелищная комиссия), а также Комиссия изящной словесности. Пародийность создается за счет нагнетения этих наименований в тексте, независимо от того, реальны они или выдуманы авторами.

Официальный язык для Платонова и Булгакова становится объектом языковой игры, в которой обнаруживаются не только сходные приемы, но и общие факты современной речи.

Таким образом, сопоставительное исследование Платонова и Булгакова в обозначенном направлении представляется необходимым для исследования проблемы изображения советского официального языка в художественной литературе XX века.

Список литературы

1. Геллер М.Я. Андрей Платонов в поисках счастья. М.: Изд-во «МИК», 1999.
2. Булгаков М.А. Под пятой. Мой дневник. М.: Изд-во «Правда», 1990.
3. Бродский И.А. 1994 – Предисловие к повести «Котлован» // Андрей Платонов: Мир творчества. М.: Современный писатель, 1994.
4. Корниенко Н.В. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
5. Бочаров С. Дело жизни автора этой книги // Шубин Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования: Об Андрее Платонове: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987.
6. Меерсон О. «Свободная вещь» Поэтика неостранения у Андрея Платонова. 3-е изд., испр. Новосибирск: Наука, 2002.
7. Санджи-Гаряева З.С. Андрей Платонов и официальный язык // Вопросы языкознания. 2004. № 1.
8. Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова: Монография. Изд. МГПУ. Н. Новгород, 1998.
9. Булгаков М.А. Правительству СССР // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М.: Художественная литература, 1992.
10. Миндлин Э. Андрей Платонов // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сборник. М.: Современный писатель, 1994.

THE SOVIET LANGUAGE IN THE REPRESENTATION OF A. PLATONOV AND M. BULGAKOV

Z.S. Sandzhi-Gariaeva

We will try to reveal common and different traits in the principles and techniques of the representation of the Soviet language in the works by A. Platonov and M. Bulgakov.

Keywords: principles, techniques, reflection, satire, irony, language game, Soviet language.